

Аннотация: В статье показаны новые тенденции в идеологии и организации гуманистического движения второй половины XV в., выдвижение, обоснование и осуществление задач универсального историко-культурного синтеза в деятельности флорентийской Платоновской академии, рассматривается круг ее участников и покровителей. Отдельное внимание уделено наиболее важным аспектам учения флорентийских платоников, их религиозно-философским, антропологическим, эстетическим, социально-этическим концепциям.

Кудрявцев О.Ф.¹

**Ренессансный историко-культурный синтез в
трудах гуманистов флорентийской
Платоновской академии**

(статья опубликована в изд.: Вестник РГНФ. 2006. 4 (45).

С. 16-23)

Важнейшим итогом духовного дела Марсилия Фичино, главы ученого сообщества, известного в историографии как флорентийская Платоновская академия, стало то, что принципам и установкам ренессансной культуры он сумел дать прочное обоснование, не только оправдывавшее их в общественном сознании, но и позволившее привлечь на их сторону все новые и новые интеллектуальные силы и

---

¹ Кудрявцев Олег Федорович – доктор исторических наук, профессор Московского государственного института международных отношений (университета) МИД РФ, руководитель проекта РГНФ “Ренессансный историко-культурный синтез в трудах гуманистов флорентийской Платоновской академии” (N 03-01-00182a).

поддержку высокопоставленных меценатов сначала во Флоренции и Италии, а затем во многих других странах Европы – от Венгрии и Германии до Франции и Англии. Довольно скоро, по крайней мере с 80-х гг. XV в. и на долгие десятилетия вперед, учение флорентийских неоплатоников превратилось в наиболее влиятельную идеологическую систему ренессансной эпохи, благодаря универсальному историко-культурному синтезу открывшую доступ к различным религиозным, философским, нравственным традициям прошлого, предлагавшую сообразные характеру своего времени ответы на самые важные мировоззренческие вопросы.

В эпоху Возрождения были мыслители более оригинальные, яркие, плодотворные и масштабные, чем Марсилиус Фичино, но, пожалуй, не было более популярного и влиятельного, если иметь в виду его воздействие на самые разные стороны культуры этого времени, ее философскую, богословскую, этическую мысль, а также искусства, литературу, музыку, оккультные науки. И дело не только в том, что Фичино выступал переводчиком и комментатором многочисленных сочинений Платона, языческих и христианских неоплатоников, так называемых герметических, орфических, пифагорейских, зороастрийских писаний и, благодаря этому, стал во многом определять направление духовных исканий ренессансной поры. Гораздо важнее то, что он, апеллируя к самым сокровенным чувствам, самым интимным духовным переживаниям позднесредневекового человека, сумел примирить и даже более того – породнить с ними идеалы ренессансной культуры, доказать их приемлемость и абсолютную мировоззренческую актуальность.

Сам характер учености Фичино располагал его к той историко-культурной миссии, которой он себя посвятил. Воспитанный на средневековых схоластических суммах, мало приверженный классической гуманистической образованности (таким наукам, как

грамматика, риторика, поэзия, история, моральная философия), Фичино не был “чистым гуманистом”, хотя, если иметь в виду круг его интересов и философские концепции, его участие в движении, направленном на духовное обновление человечества, то гуманистом – в более широком значении этого термина – его все же следует признать². Чуждый утонченной филологической культуры, Фичино своим латинским языком и стилем рассуждений и аргументации был близок и понятен основной массе образованного класса, прошедшего глубокую схоластическую выучку; вместе с тем, один из лучших знатоков древнегреческого языка, он на путях широкого обращения прежде всего к духовному наследию эллинской культуры стремился формулировать идеи, уже обозначенные гуманистической мыслью и отвечавшие ожиданиям его времени. Не менее важно и то, что своей деятельностью он стремился найти абсолютное оправдание, воспринимая ее сам и преподнося другим в качестве призвания, угодного провидению подвига, или своего рода возложенного на него свыше *духовного тягла*; он был вполне убежден, сумев, как видно по вниманию и поддержке, которые были ему оказаны, внушить это убеждение очень многим, что он предназначен – ни больше, ни меньше – спасти человечество, выступив с новой апологетикой христианства, вновь находящегося перед угрозами ереси и безверия. И неизвестно, чего в этой позиции больше – христианского смирения, изъявления готовности подчинить себя велению вышней воли, предстать орудием Божественного провидения, или же типичного для ренессансного человека сознания его неограниченных возможностей, а

---

² См. по этому вопросу также: *Kristeller P.O.* Florentine Platonism and its relations to humanism and scholasticism // *Church history*. 1939. N 9. P. 201-211; *Idem.* Marsilio Ficino and his work after five hundred years // *MFRP*. Vol. I. P. 16-17.

равно чувства космической ответственности и проистекающего из него стремления вершить судьбы человечества и мира. Как бы то ни было, но настроения главы флорентийских платоников должны были отозваться сочувствием как в тех весьма представительных интеллектуальных кругах, которые соблюдали уважение к христианской традиции, на охранение которой он претендовал, так и сторонников гуманистической учености, в среде которых все более решительно утверждалась концепция человека-артиста, вселенского мастера, “земного бога”.

Сам Фичино, пожалуй, более, чем кто-либо другой, сделал для разработки этой концепции, доказывая уникальность положения человека в мироздании, который, будучи средоточием и скрепой всех уровней и элементов бытия, может преобразовывать этот мир и даже творить его заново по своему усмотрению. Речь шла о созидании не только физической реальности, но и духовной. Прививая к западной, латинской образованности эллинскую философско-богословскую мысль, Фичино путем такого рода синтеза действительно создавал новый универсум культуры. Призванная служить укреплению христианской религии, эта мысль рассматривалась как хранительница некоего древнейшего откровения, что делало ее приемлемой для христианского сознания эпохи и вместе с ней повышало статус всего античного наследия, которому отводилось огромное место в деле духовного обновления, или возрождения, человечества. Поэтому труды древних для Фичино, участников его дела и всего ренессансного гуманизма представляли совсем не археологический, сугубо ученый, познавательный интерес, но имели очень важное идеологическое значение как свидетельства божественной мудрости, которая для своей манифестации не может быть ограничена ни каким-либо временем, ни местом и лишь принимает форму, наиболее сообразную

обстоятельствам³. Речь идет о некоем метаисторическом единстве “благочестивой философии”, путь развития которой от мыслителя к мыслителю, создавая их непрерывную цепочку, тщательно фиксировал и стремился повторить в своем творчестве Фичино: его способ осваивать мудрость древних, идя от самых ее, как считалось истоков, то есть от сочинений, приписывавшихся Гермесу Трисмегисту, Зороастру, Орфею, к Платону, давшему ее полный свод, к позднеантичным неоплатоникам, как языческим, так и христианским, невольно напоминает своего рода магическую процедуру, предполагавшую точным повторением всех этапов рецепции этой мудрости в прошлом добиться ее наиболее полной реставрации и актуализации в настоящем⁴.

Исследования Фичино различных систем примитивного богословия, кульминацией коего он считал “платоновское богословие” (его систематическому анализу гуманист посвятил главный труд своей жизни⁵) стимулировали разработки в этом направлении мыслителей из его ближайшего окружения, к коим следует отнести Антонио Альби, Кристофоро Ландино, Анджело Полициано, но более других Джованни Пико делла Мирандола: продолжая Фичино, Пико, не случайно именуемый друзьями “князем согласия”, намечал план

---

³ Об этом см.: *Кудрявцев О.Ф.* "Ученая религия" флорентийской Платоновской академии // *Культура Возрождения и религиозная жизнь эпохи.* М., 1997. С. 88-97.

⁴ Более подробно эта тема освещена в публикации: *Кудрявцев О.Ф.* *Мудрость язычников на службе божественного провидения: призвание Марсилия Фичино* // *Общественная мысль в контексте истории культуры.* М., 2004. С. 66-146.

⁵ *Ficinus M.* *Theologia platonica de immortalitate animorum.* Florentiae, 1482.

создания “поэтического богословия”, которое, простираясь далеко за рамки платоновской и псевдо-платоновской традиций, трактовало различные положения человеческой мысли, рассмотренные вне какого-либо исторического контекста, в отрыве от времени, как обнаружение единой истины, живущей в вечности и образующей последнюю цель всех исканий человеческого духа⁶.

Никакое знание, никакая наука, никакое искусство и, в целом, никакая деятельность не обладают ценностью сами по себе, но оправданы лишь в той мере, в какой способствуют спасению человека, - Фичино, несомненно, близка подобная установка, если смысл своих собственных трудов он определял именно этой перспективой, уверенный, что они помогут людям обрести путь к Богу. Не в ином видел он и предназначение красоты, которая выступает у него объектом не столько эстетических, сколько богословских спекуляций. Настаивая на ее метафизическом происхождении, Фичино в красоте наличного мира находил явление высшей реальности, устроившей этот мир, давшей ему наряд. Но красота не только организует, упорядочивает бытие на всех его уровнях, но и, внушая всему сущему любовь к себе, побуждает его искать соединение с нею и тем самым направляет к Богу, лик которого она отражает. Мысль о том, что *мир спасается красотой* логически вытекает из рассуждений Фичино о природе и цели прекрасного, а его любовная философия является своего рода ренессансной сотериологией. Указанные особенности того, что можно было бы назвать эстетикой флорентийской Платоновской академии, имевшей продолжение в многочисленных

---

⁶ См. в этой связи: *Гарэн Э.* Проблемы итальянского Возрождения. М., 1986. С. 127, 136; *Кудрявцев О.Ф.* Богословские искания и философия культуры ренессансного неоплатонизма // *Религии мира.* 1989-1990. М., 1993. С. 46-63.

трактатах о любви и красоте, способны дать ориентиры к восприятию произведений искусства Возрождения, адекватные установкам художественного сознания этой эпохи: зрительные образы, воплощенные ренессансными мастерами искусства в их творениях, не были предназначены к тому, чтобы стать объектами “самодовлеющего созерцания”, но должны были служить, как считалось, задаче куда более высокой, выступая посредниками, которые, сумев захватить собой душу человека, вели ее к их общему Создателю.

Освоение огромного пласта духовного наследия древности давало флорентийским гуманистам второй половины XV в. основательный повод претендовать на восстановление прерванной некогда связи времен; они вели речь о грандиозном историко-культурном перевороте, в буквальном смысле о радикальной смене эпох, настаивая на возобновлении, или возрождении, в их время “золотого века”. Оставив из древнего предания о нем только идею циклического развития человечества, клонящегося этап за этапом к полному упадку, который сменяется новым резким подъемом, гуманисты круга Платоновской академии “золотым веком” стали называть не первозданное девственное состояние человечества, не тронутого цивилизацией и культурой, а, совсем наоборот, время расцвета доблестей и дарований, наук и искусств. Доказательством переживаемого их временем духовного и нравственного обновления служили ссылки на рецепцию античного культурного наследия, на восстановление в их прежнем блеске культивированных в древности художеств, искусств, направлений мысли, причем глава флорентийских платоников не случайно отдельно отметил, имея в виду, конечно же, себя, “извлечение на свет платонической науки”, а также древней манеры пения под аккомпанемент орфической лиры: едва ли не решающую роль в этом обновлении он отводил собственной деятельности по реставрации древнейшей богословской

традиции, сводом которой, как считалось, является учение Платона и его последователей. Впрочем, подтверждая права на благородство культуры своей эпохи отношениями родства и прямого преемства с античной, как бы вновь ожившей, Фичино и близкие ему гуманисты историческое значение своего времени оценивали не только этими, но и новыми свершениями и открытиями, подвигами духа и мысли, неведомыми древним. Таким образом, переосмысление концепции “золотого века” помогло гуманистам прийти к осознанию самобытности собственной эпохи, вскоре названной для обозначения нового подъема культуры и человечности, который должен быть характерен для “золотого века”, Возрождением⁷.

Темы политики, социальной жизни, морали не относились к приоритетным в философских построениях Платоновской академии, скорее они были попутными сюжетами рассуждений, спровоцированными каким-то конкретным, часто житейским случаем; тем не менее влияние социально-этических и политических идей флорентийских платоников на общественную мысль гуманизма и последующих веков велико и неоспоримо. Прежде всего, в трудах Фичино и таких близких к нему участников его кружка, как Леон Баттиста Альберти и Лоренцо Медичи, заставляет обратить на себя внимание новая, секуляризованная концепция времени, которое рассматривается как собственность не Бога, но человека, и поэтому нуждается в рачительном, бережном к себе отношении со стороны этого самого человека; с этим связано и новое ощущение экзистенции человека как полного напряжения его воли и сил, точнее всего характеризуемое получившей в последующем громкую славу

---

⁷ Подробнее об этом см.: *Кудрявцев О.Ф.* Патент на благородство: миф о золотом веке в становлении самосознания ренессансной культуры // *Миф в культуре Возрождения.* М., 2003. С. 81-87.

максимой “время не ждет”. Особым обаянием исполнен образ преданного исканию истины и чуждого соблазнам и угрозам мира мудреца, столь притягательный для европейского образованного класса ренессансной эпохи и последующего времени, настаивавшего на восприятии его ученой деятельности как высокого призвания и служения. Долгую судьбу имела идея союза власти и мудрости, персонифицируемая правителем-философом, - по-видимому, наиболее заметный вклад флорентийских платоников в политическую теорию. И уж вне всякого сомнения в их трудах следует искать истоки и обоснование принципов новой социальности, как бы возрождавшей пифагорейско-платоновско-христианский общежительный идеал, получивший конкретное выражение во многих ренессансных утопиях; постольку, поскольку этот идеал восходил к сочинениям древних, он выступал в сакральном ореоле своего рода божественного предписания; впрочем, ближе всего он отвечал настроениям гуманистической интеллигенции, будучи нацелен, как считалось, на создание условий для развития дарований и доблестей в человеке.

Прежде всего этот идеал Фичино имел в виду утвердить и пропагандировал в сложившемся вокруг него ученом товариществе, получившем в исторической литературе имя Платоновской академии. Сам Фичино, стремясь воссоздать академию, возможно, в последнюю очередь подразумевал некий кружок гуманистов, объединенных общим стремлением овладеть учением Платона, неоплатоников и “древних богословов”, которые все вместе составляли, как считалось, великую традицию языческой мудрости, хранившей истины, ни в чем не противоречащие христианскому откровению. Ибо именно эту традицию главным образом и обозначал Фичино именем академия, которая, таким образом, предстает как *собор благочестивой мудрости древних*, ее-то восстановлению и популяризации посвятил свою деятельность глава флорентийских платоников. И поскольку его

стараниями эта древняя философско-богословская традиция получила как бы второе рождение и во всем своем величии и духовном могуществе явилась миру латинской образованности и культуры, постольку академия – это также труды самого гуманиста, охватившие всю многотысячелетнюю благочестивую мудрость и представившие ее в виде некоего не знающего ограничений времени, вселенского *вертограда любомудрия*.

С полным основанием Фичино мог бы сказать: “Академия – это я”. И ни в коей мере не погрешил бы против истины. Но *дело*, которому он посвятил свою жизнь, главным образом благодаря развернутой им пропаганде оказалось притягательным для очень многих его современников (и ближайших преемников). В одном из писем за семь лет до своей кончины он называл имена восьмидесяти человек всевозможного звания, рода занятий и состояния, с которыми в разное время поддерживал тесное общение, по той или иной причине не упомянув еще десятки других своих единомышленников и почитателей, как во Флоренции, так и за ее пределами в Италии и Европе. Все эти люди и составляли крайне рыхлый, организационно никак не оформленный кружок взыскующих древнейшего богословского знания, который обычно именуют флорентийской Платоновской академией и в деятельности которого лишь только намечались формы общения – диспуты, собеседования, публичные чтения, переписка, - характерные для институционально более зрелых научных и литературно-художественных сообществ последующих веков, взявших себе имя академий, похоже, по аналогии с тем, какое уже закрепилось за Фичиновым вольным ученым братством.

В лице Фичино и возглавляемого им кружка ренессансный платонизм, претендовавший на положение господствующего мировоззрения эпохи, выступил как мощное духовное движение, которое не только сумело увлечь собой влиятельные

интеллектуальные и художественные круги, в значительной мере определившие облик ренессансной культуры конца XV-XVI вв., но и заставило власть имущих признать свое высокое призвание. Семейство Медичи и многие представители флорентийского патрициата, итальянские и европейские властители, церковные прелаты стремились приобщиться к трудам Платоновской академии, стать каким-то образом причастными делу, которому предназначил себя Фичино. Именно он, целиком преданный умозрительным занятиям, сторонившийся публичных дел, слабый, болезненный человек, подвигнул власть светскую и власть духовную уважать еще одну власть, власть культуры, и считаться с ее интересами.